

ТАИЛАНД: СТОЛКНОВЕНИЕ ТРАДИЦИОННОГО И СОВРЕМЕННОГО МИРООЩУЩЕНИЯ

**(по материалам тайландского фильма «Дядюшка
Бунми, который помнил свои прежние жизни»)**

В наше время глобального исторического перелома взаимодействие современного и традиционного является частью актуального дискурса во многих странах. Особенно значимо оно в странах Востока, где комфортное душевное самочувствие индивида в определенном смысле связано с этой проблематикой, а также составляет основу некоторых социально-политических движений. Ярким художественным примером размышлений тайской интеллигенции на эту тему является тайландский фильм «Дядюшка Бунми, который помнил свои прежние жизни», режиссера Апхичатпонга Виерасетакуна, удостоенного Золотой пальмовой ветви Каннского кинофестиваля в 2010 г. В данной работе автор делает попытку проанализировать социально-культурную тенденцию в тайландском обществе, включая мистические представления тайцев о жизни и смерти, о природе и месте человека в ней на локальном и частном примере кинематографического произведения.

Этот фильм и повесть, на основе которой он снят, демонстрирует изменение в мироощущении современного тайца, трансформацию его представлений о себе и о своем месте в окружающей природе. И фильм, и его литературная основа отражают разлом между традиционным миром тайца и современностью, где представления, составлявшие канву его жизни, размываются модернизмом урбанизированной жизни, где нарушена связь человека с природной средой как таинственным обиталищем духов и предков. Таец прошлого существовал в целостном мире в союзе с природой и с царством духов. Для тайца старых дней, как и для любого человека, смерть, особенно ожидаемая, близкая, была драмой. В то же время, философски глядя на события окружающей жизни, он думал о череде перевоплощений. И это давало надежду на новое рождение и одно-

временно встраивало его в круговорот мироздания, где пребывают в единстве прошлое и настоящее, живые и мертвые, природа и человек.

Для стороннего наблюдателя очевидно, что в восточном обществе, в том числе в тайском, в отличие от Запада, традиционное мировосприятие сохранилось сильнее. В мировоззрении современного тайца есть много элементов древней культуры. Однако, часть тайской интеллигенции, более чувствительная к нюансам, ощущает изменения, понимает неизбежность процесса трансформации традиционных национальных ценностей и видит направление этого процесса - прочь от единения с природой, к отчуждению от нее человека.

Тайцы легко вплетают в буддизм, который исповедует более 90% населения страны и который является основой мировоззрения тайцев, элементы других верований. Это не разрушает их веру, а делает ее более пластичной¹. По этой причине в Таиланде было сравнительно мало лиц, обращенных западными проповедниками и миссионерами в другую веру. В тайском буддийском вате-монастыре нередко можно видеть скульптурные изображения священной индуистской коровы, китайских духов-охранителей сторон света, китайских мудрецов, персонажей великого эпоса «Рамакиан»². Они не вызывают отторжения у поклоняющихся Будде. Некоторым из них прихожане делают подношения.

Особое место в духовном мире тайца занимает анимизм. Верования тайцев насыщены добуддийскими анимистическими представлениями, которые они принесли с собой на Индокитайский полуостров из южных провинций Китая, откуда мигрировали на юг. Анимизм является частью духовной жизни тайцев, составляя один из пластов их религиозных представлений, наряду с элементами индуизма и буддизмом. Для тайца – буддиста мир духов столь же реален как мир живых. Оба эти мира существуют рядом, более того, между ними нет непроницаемой границы. Они верят, что леса, деревья, источники воды населены духами, естественная среда обитания которых – лес и темнота. Лесные духи могут быть невидимы, но их присутствие выдают огненные красные глаза. Духи могут вселяться в тигров, превращая их в прекрасных девушек, которые заманивают

и убивают молодых людей. Духами становятся умершие, чьи души не нашли упокоения. Можно превратиться в духа или дух может вселиться в человека, если тот совершает несправедливые поступки³.

Сверхъестественные сущности, как явление иного мира, как минимум, непонятны человеку. Они могут быть нейтральными по отношению к нему, а могут быть враждебными и представлять прямую опасность. Крестьяне знают, что некоторые растения особенно привлекательны для духов, которые в них вселяются, – они их сторонятся и не разводят. Общение с потусторонними силами требует некоторых усилий и соблюдения определенных правил. Их доброжелательность можно завоевать специальными ритуалами и дарами. Для примера можно привести поведение охотника. Так же как и в других традиционных обществах, он не мог обидеть духов животных, на которых охотится. Поэтому отправляясь в лес, он обращался к духу леса и к духу животных с просьбой о прощении. Срубая деревья для своих нужд, крестьянин просил духов не держать на них зла. То же относилось к традиционной ловле слонов, которых приручали для использования на работах и на войне. Процедура их отлова сопровождалась множеством специальных ритуальных действий.

Не только в деревне, но и в городе, и даже в столице повсеместно устанавливаются домики для духов – охранителей места, которым регулярно делаются подношения в виде бутона лотоса, ароматических палочек, фруктов и фигурок слонов и других животных. Среди тайцев широко распространены суеверия и вера в предсказания астрологов, к советам которых часто прибегают, особенно относительно благоприятных дат совершения важных поступков – женитьбы, путешествия, зачатия ребенка, покупки земли или открытия нового магазина. Тайцы любят гадать и часто просят об этом монахов. Среди предсказателей есть как монахи, так и миряне. Хотя буддийская сангкха не одобряет гадания и предсказаний, тем не менее, эта практика существует. Многие современные политики имеют личных астрологов, с которыми консультируются. Имена некоторых из них известны всей стране. Генералы обращаются к ним, чтобы узнать, будет ли успешным государственный пере-

ворот, совершенный в определенный день, будет ли продвижение по службе. Бывший премьер-министр Таксин Чиннават сказал как-то журналистам, что не будет давать комментарии, поскольку, по словам его астролога, сегодня – не его день. Так же поступил один из министров сформированного в 2011 г. правительства. Тайцы обожают амулеты, некоторые из которых, объявленные чудодейственными, продаются очень дорого. Во время финансово-экономического кризиса 1997 г. супруга тогдашнего премьер-министра повсюду носила с собой в виде амулета мягкую игрушку – слоника в качестве оберега и благоприятного знака, поскольку слон как символ счастья занимает особое место в мифологии тайцев⁴.

Весь фильм «Дядюшка Бунми, который помнил свои прежние жизни» проникнут ощущением близящегося ухода человека из этого мира, спокойным осознанием его неизбежности и тихой верой в упорядоченный круговорот перевоплощений. Действие происходит в провинции, мир которой все еще полон спокойствия, понимания тайных механизмов жизни. Он противопоставлен миру современному, лишенному, по мысли авторов, глубинного смысла. Противопоставление модерна и традиции идет по линии город – деревня, как культурно-исторических антиподов. При этом автор не изображает город шумным, сияющим электричеством монстром, примером чему является Бангкок, особенно в вечернее время, после заката солнца, с его назойливыми огнями, музыкой и порочными увеселениями. Противопоставление идет по линии частного бытия отдельного человека. В провинции, на северо-востоке страны, – открытые настежь окна, впускающие ночной воздух с запахами тропического леса и стрекотом кузнечиков. Здесь человек существует в природе. Его окружает мягкий свет лампы, таинственный полумрак комнаты и загадочная бархатная темнота леса. В городе – замкнутое пространство комнаты, яркий сухой свет, шум телевизионной передачи. Человек отторгнут от природы.

В фильме «Дядюшка Бунми...» нет плакатных противопоставлений. Его можно рассматривать как грусть по уходящему миру. Восприятие этого фильма требует от зрителя определенной умственной работы и некоторых знаний о тайском обществе и местной культуре. Фильм снят в неторопливом, те-

кучем ритме. Простая история тайца, отправившегося умирать на родину, рассказывается обыденно, без эмоциональных всплесков, в камерной манере, как бы шепотом. Так, видимо, протекала повседневная жизнь тайца в традиционном обществе. Довольно долго кадры, снятые из окна автомобиля, фиксируют окружающий пейзаж – холмы и муссонные леса. Природа северо-востока, весьма отлична от полей поливного риса, пальм и белоснежных пляжей, привычных для туристов, посещающих центральные и южные провинции Таиланда. Зритель постепенно погружается в атмосферу жизни тайского крестьянина – обитателя северо-востока Таиланда – Исана. Именно здесь традиционный крестьянский образ жизни сохранился в большей мере, чем в центральной части страны. Исан и исторически близкий ему Лаос, который лежит через границу, за рекой Меконг, противостоят в культурном плане городу и модерну, прежде всего гигантскому, никогда не засыпающему и вечно суетному мегаполису Бангкоку.

Дядюшка Бунми едет сюда, на родину, чтобы умереть. Он знает, что ему отпущено совсем мало времени, и готовится к переходу. Для тайца-буддиста смерть – это всего лишь переход к другой жизни. Свои последние дни он проживает без надрыва, спокойно и даже с радостью от того, что он, наконец, дома. Мир, окружающий его здесь, открыт и един, в нем живут люди, духи, сама природа. Распахнуты окна простого домика, куда вливаются звуки и запахи ночи, шелест листьев и шепот духов. День и плантация полны солнца и света. Хозяйство дядюшки Бунми – традиционное – выращивание тамариндов и пчеловодство. Здесь под деревьями у него выстроено навес, чтобы можно было лечь в тени, вдыхать запахи природы, слушать жужжание пчел, слизывать ароматный мед с сот. Вокруг простые люди – улыбчивые работники – лаосцы, которых нанимают из-за дешевизны. Граница между двумя странами для них условна, такой она была десятилетия и столетия назад. Отношения между хозяином и работниками – патриархальные, доверительные и естественные. Они неторопливо беседуют, обсуждают житейские вопросы, шутят и смеются.

Автор размышляет о жизни и смерти, о множественности жизней человека, о связи потустороннего и этого миров. Воз-

деланное поле и дикий лес – это два мира, этот свет и тот свет. Поле – это мир, освоенный человеком, здесь строятся буддийские храмы, а, следовательно, земля вокруг освящена буддийской религией. Чем дальше от религиозного центра, тем меньше благодати на окружающей природе. Лес – непознанный, темный, вместилище духов, – тот свет, обиталище потусторонних сил. Лес – дикая, не святая земля⁵. В фольклоре многих народов есть сходные представления. Лес – это обиталище темных сил и духов, в том числе в древней религии тибетцев *бон*, в буддизме, в добуддийских верованиях тайцев. Этот сюжет нашел отражение в русских сказках, где в глубине леса живет Баба-яга, как дух предков, соединяющий тот и этот свет. Недаром в тайском буддизме монахи-отшельники, которые селятся в лесу, тем самым облагораживают, освящают прилегающую к своей обители территорию, отнимая ее у дикого леса и создавая «священную землю». Именно на северо-востоке Таиланда, там, где природа и существование в ней человека-крестьянина сохранились в своей наиболее естественной форме, мир яви и мир нави зримо соприкасаются без помех, которые создает современное общество.

За ужином в деревенском доме, где открыты окна, под цокот цикад и шелест листьев, появляется умершая жена дядюшки Бунми, но не как бестелесный дух, а как человек, которого можно обнять. Ей не удивляются, ее усаживают за стол, предлагают попить воды – ведь путь ее был долог. Ей показывают семейный альбом с фотографиями. Потусторонность ее проявляется в том, что на некоторые вопросы она не дает ответы. Но и ответы ее характерны. На вопрос Бунми: «Где ее искать, на небе?» Она отвечает: «Представления о небе преувеличены. Там ничего нет. Духи умерших не привязаны к месту, они привязаны к близкому человеку». В темноте ночного леса горят красные глаза – это духи. Их много. Скрипят ступени, из тьмы появляются горящие глаза, мохнатое существо поднимается по лестнице. Оказывается, это пропавший сын дядюшки Бунми. Он исчез несколько лет назад. Сидящие за столом родственники опять не удивляются. «Это его голос», – говорят они. «Почему у тебя так много волос? – просто спрашивают его. «Я на-

блюдал за духом обезьяны, пытался его фотографировать и сам превратился в духа обезьяны».

Таким образом, нет непроходимой границы между духами и людьми. Из одного мира можно перейти в другой. Точно так же нет границы между прежними жизнями и жизнью нынешней. Видения дядюшки Бунми о прожитых жизнях происходят в таинственном и загадочном лесу под покровом лесной тени под стрекот цикад. Лес хранит тайну. Вот черный водяной буйвол, главное сельскохозяйственное животное тайского крестьянина, отвязывается от колышка и исчезает в лесу. Его ищет и находит крестьянин, одетый в набедренную повязку. Когда это было? Сто, двести лет назад? И кем был тогда дядюшка Бунми, буйволом, убежавшим в лес, или крестьянином, который этого буйвола возвращает? Вот в полумраке леса движется процессия. Рабы несут в паланкине принцессу. Она влюблена в раба, но он не отвечает ей взаимностью. В тоске она обращается к духу лесного озера, который говорит с ней в облике крупного сома. Сом обольщает принцессу в воде. Был ли дядюшка Бунми в одной из своих прежних жизней несчастной принцессой или рабом, в которого она влюблена, а может быть он был сомом, в облике которого проявился дух воды? Это не ясно, да это и не важно. Дядюшка Бунми вспоминает картины.

То, что все эти представления обыденны для тайской культуры подчеркивает спокойный, доверительный тон повествования. Ни воспоминания о прошлых жизнях, ни появление призраков не является культурным шоком для героев фильма. Это все обычные вещи. Дядюшка Бунми принимает свою неизлечимую болезнь как неизбежность. «Почему я так тяжело болею?» - вопрошает он.- «Потому что такова моя карма. Я убил слишком много коммунистов»⁶. Но раз такова карма, то нечего особенно и скорбеть об этом. В буддизме нет покаяния, а раз так, то смерть - всего лишь непреложный факт.

Дядюшка Бунми хочет умереть в той пещере, где когда-то зародилась его жизнь. Не трудно предположить, что пещера находится в лесу. В сопровождении родственников он идет через лес к пещере. Умершая жена ведет за собой процессию. Это уютное место, где тихо течет ручей. Достигнув пещеры, люди попадают как бы в изначальную среду, где зарождалась жизнь.

Здесь дух жены вынимает трубочку, через которую очищаются почки умирающего. Кровь, а вместе с нею и жизнь потихоньку покидают дядюшку Бунми. Все. Конец этой жизни. Но нет трагедии, это не конец всего – будет новое перерождение.

Оставшиеся родственники оказываются в городе. Здесь их окружает совершенно иная среда. Они - в замкнутом пространстве комнаты, похожей на гостиничный номер, как в коробочке. Обстановка – кровать и телевизор. Окна нет, а если и есть, оно занавешено. Они отгорожены от природы. Здесь нет ни шепота леса, ни шума ветра. Зато работает телевизор, заглушая разговор и представляя картины чужой жизни. Родственники занимаются рутинными делами по организации похорон, считают деньги, пожертвованные гостями. Обсуждают, не нужно ли издать книгу об умершем, как это принято в Таиланде. «Зачем ему, он - простой человек». Еще одна картина искусственной среды - бар с чуждой музыкой. И, наконец, самое значительное – образ племянника, ушедшего во временное монашество, как это принято у тайских мужчин, поскольку временное монашество – символ возмужания и приобретение *буна*, то есть религиозной заслуги как для себя, так и для своих родителей, живых или умерших. Он одет в желтую одежду монаха и ночует в монастыре. Здесь нет стекла в окнах и природа дышит в лицо молодому монаху. Ему не спится в монастыре, ему некомфортно и страшно в мире природы. Он, в отличие от своих предков, не ощущает больше своего единения с нею. В нарушение монашеских норм он приходит к матери и сестре, чтобы снять монашескую одежду, принять теплый душ, смыть с себя пелену старины, буддийского храма, мира природы. Он – горожанин, современный человек и утратил связь с традицией. Для него даже временное возвращение в традиционное общество, тяжело и неестественно. Он переодевается в джинсы и идет в бар, чтобы поесть там. Так в фильме показано, как рвется связь современного тайца с традиционной культурой, с традиционной системой ценностей. Жизнь крестьянина проста. У горожанина жизнь тоже проста. Но эта простота иного рода. Эта простота искусственной жизни, в то время как традиционная простота – это единство с природой, с параллельными мирами духов и предков.

Быстрое экономическое развитие страны привело к эрозии традиционных ценностей и культуры народа. И, хотя в восточном обществе, в том числе – в тайском, в отличие от Запада, традиционные представления сохранились в гораздо большей степени, тем не менее, под натиском глобализма они все более и более размываются и подменяются вненациональными ценностями потребительства и материалистического индивидуализма. Крестьянин, пришедший на заработки в город, оказывается вне своего привычного мира родичей и соседей, со свойственной ему моралью, нравственностью. Он становится одиноким и беззащитным. Напротив, таец - горожанин оторвался от родных корней, он чувствует себя более комфортно в привычных условиях мегаполиса и постепенно превращается в более или менее усредненного жителя глобализирующегося мира.

Фильм вызвал неоднозначную реакцию западного, в том числе российского зрителя, от восторженно-возвышенного до полного разочарования. В данном случае мы рассматриваем этот фильм не с точки зрения его художественных достоинств, а лишь постольку, поскольку он является реакцией на кризис традиционных представлений и ценностей в современной культуре тайцев. В фильме это явление показано не как драматический слом культуры, не как острая тоска по уходящему, а, скорее, как грустная констатация. Возможно это также проявление тайской культуры. Все это почти шепотом, тихо, как шелест северных листопадных лесов, которые продолжают хранить тайну, где все еще живут духи и где человек – часть природы.

¹ Подробно система представлений тайцев о природе рассмотрены в работе Е.А.Фомичевой Представления о природе у тайцев в: Человек и природа в духовной культуре Востока. М., ИВ РАН. Крафт. 2004, с. 549-562

² Так называется тайская версия древнего индийского эпоса «Рамаяна».

³ William J. Klausner. Reflections on Thai Culture. Collected Writings. The Siam Society Under Royal Patronage. Bangkok 2000, с. 358

⁴ Данные о мистических предпочтениях тайландских политиков взяты из разных номеров газеты «Бангкок пост».

⁵ Подробнее см. в: Reynolds F.E. and Reynolds M.B. Three words according to Ring Ruang: A Thai Buddhist cosmology, - Berkeley Buddhist Studies Series, № 4. Berkeley, 1982, с. 93

⁶ Это относит нас к 60-70 гг. XX века, когда именно в этих краях велась народная партизанская война под руководством компартии Таиланда (КПТ) с правительственными войсками.